

Дьявол в раю

Автор:

Николай Леонов

Дьявол в раю

Николай Иванович Леонов

Гуров #20

Отпуск для сыщика – великая роскошь. Солнце, море, любимая женщина – о чем еще мечтать? Но, видно, от себя не уйдешь. И даже в знойной Турции криминал не обошел российского сыщика. Таков сюжет повести «Дьявол в раю».

Николай Леонов

Дьявол в раю

Глава 1

Старший оперативный уполномоченный по особо важным делам полковник Лев Иванович Гуров собирал дорожную сумку, он отправлялся в отпуск. Его отец, генерал-лейтенант, и мать, доктор наук, несколько лет назад ушли на пенсию и крестьянствовали в «родовом имении» под Херсоном. Отец был мужик сильный и жилистый, восстановил развалившийся пятистенок, стал разводить кур, коз, в общем, хозяйничал и огородничал. За два сезона руки матери покрылись плотным загаром, ладони – мозолями. Теперь вилы и лопату она держала так уверенно, словно не возилась всю жизнь с микроскопами и пробирками. Сын залетал в деревню ежегодно, именно залетал, оставляя после себя запах дорогого одеколona.

Работать на земле Гуров-младший не умел и не любил. Мать с отцом сына не осуждали; человека нельзя на землю посадить; он должен прийти к ней сам и уже не расставаться.

Гуров поговорил с родителями по телефону, сказал, днями будет, однако душа его раздваивалась. Он очень хотел видеть отца с матерью, но терпеть не мог носить кирзовые сапоги и копать грядки. Гуров не любил копать их весной, когда земля радостно хлюпает, ожидая посева, не любил ковырять ее летом, заскорузлую, высушенную солнцем. Да и осенью, когда земля щедро вознаграждала труд человека, помидоры трескались под собственной тяжестью, а укроп, кинза, петрушка и лук благоухали, работать в огороде он не любил. И хотя мать утверждала, что родила его в крестьянской избе почти одновременно с теленком, опер был убежден, что он – дитя городского асфальта. Он знал и понимал город, исход родителей из цивилизации воспринял философски, заявил, что, если жизнь сложится нормально, имея в виду, что его не убьют раньше, он приедет к старикам с внуком, и они станут показательными фермерами.

Итак, полковник, опер-важняк, собирался к родителям в деревню на побывку.

В это время и раздался звонок в дверь. Гуров, уверенный, что явился друг и коллега Станислав Крячко, собирался уж отодвинуть тяжелый засов. Но в последний момент машинально пригнулся к «глазку» и, к своему удивлению, увидел рядом со Станиславом Марию.

Их любовь продолжалась более года, со времени развода Гурова с первой женой. Срок был воистину рекордным. Женщины обожали Гурова, влюблялись постоянно, но жить с ним под одной крышей долго не могли, покидали его со слезами и стенаниями. Мария ушла с полгода назад молча, но на то она и была талантливейшей актрисой, не умела быть похожей на всех.

– Что ты сопишь и не открываешь? – Мария нетерпеливо, с вызовом забарабанила кулачком по двери. – Наверное, в трусах и небритый? – не удержалась она от насмешки.

– Бритый, но босиком, – Гуров распахнул дверь. – Здравствуй! Не представляешь, как я рад тебя видеть! – С чего это он вдруг осип?

– Попробовал бы ты сказать иное! – Мария чмокнула его в щеку, прошествовала в квартиру. – Стас! Заходи, девок здесь вроде не наблюдается.

Станислав Крячко, тоже полковник, был ниже своего шефа на полголовы, но, пожалуй, шире в плечах, розовощек, насмешлив, что не мешало ему, когда требовалось выглядеть необычайно серьезным и солидным. В данный момент требовалось.

– Генеральная уборка? Или никак господин полковник собираются в отпуск, который не отгуляли еще со времен правления большевиков?

Какой хитрец! Кто-кто, а он-то давно был в курсе отпускных планов Гурова: занимали в министерстве один кабинет, виделись сегодня утром, даже пропустили обязательный символический посошок.

От неожиданности Гуров замешкался с ответом. Словно загипнотизированный, он не мог отвести глаз от Марии. Безотчетная мысль, поразившая его при первой встрече, когда его познакомили с Марией на какой-то артистической тусовке, опять зашевелилась в мозгу: что нашла в нем эта красивая, независимо гордая, порой сумасбродная женщина? С самым невинным видом она умела иногда ввернуть соленое словечко, чем повергала в шок далеко не инфантильных оперов, назубок знающих отборную «феню». Могла и наоборот – оборвать грубый армейский анекдотец, рассказываемый обычно в добром подпитии: «И не стыдно вам, господа офицеры, нести такую Пошлость?» Слово Пошлость она всегда произносила с большой буквы. Рассказчик тут же замолкал. Только что хохочущие слушатели в глубоком смущении опускали глаза.

Гуров на друга даже не взглянул, натянул тренировочные брюки и все смотрел на Марию, в который раз поражаясь ее красоте и непонятному, загадочному отношению женщины к нему, рядовому менту, которое по глупости можно было принять за любовь.

Играла Мария или не играла, отличить одно от другого не представлялось возможным, ей было безразлично, находится она в помещении одна или рядом толкуются сотни других людей.

– Дорогой, – Мария взяла Гурова за отворот рубашки, – если мне не изменяет память, ты обещал, что сегодня мы улетаем к морю?

– Я свидетель, – Станислав опустился на диван, взял из стоявшей на столе вазочки горстку орешков.

Быстрее компьютера Гуров просчитал неминуемость своего поражения; единственной возможностью сохранить лицо являлась безоговорочная капитуляция.

– Твоя память, как всегда, безупречна, а я обычно исполняю свои обещания, – ответил Гуров, заметив, как Станислав одобряюще кивнул.

– Надеюсь, ты выбрал не трехзвездочный сарай на берегу Ледовитого океана?

Гуров бросил уничтожающий взгляд на Станислава, не сомневаясь, что происходящее – проделки его рук и фантазии.

Тот как ни в чем не бывало продолжал валять ваньку.

– Хорошо продуваемое бунгало на льдине... Трехдневный запас питания, сломанная радиостанция, – Станислав довольно улыбнулся.

Мария ушла в спальню, закрыла дверь, но у мужчин без зрителя «игра» не получалась.

Станислав шмыгнул за стоявший перед диваном огромный стол и затараторил:

– Я лишь исполнял указания нашего общего начальника генерал-лейтенанта Орлова, – он выложил на стол плотный конверт. – Анталия, клубный роскошный отель, встречи, проводы, солнце, море, пальмы... Остальное забыл. Самолет через три часа. – Тяжело перевел дух. – Генерал говорил с твоей матушкой. Она тебя благословляет.

– Вы что, черти, женить меня собираетесь? – Мигом осекшись, Гуров с опаской оглянулся на дверь спальни.

– На этой пантере? – На лице Крячко появилась натуральная маска ужаса. – Упаси боже! Об этой затее никто и не заикался. Но вот врачи считают... – Станислав запнулся, переминаясь с ноги на ногу, но, собравшись с духом, взорвался. – Врачи! Нечего сказать, придумали диагноз – «нервное истощение»! Глупости и пустобрехство! Да пошли они! Ты же здоровый мужик, Лев Иванович, каждый знает. А позагорать, понежиться на золотом песочке рядом с очаровательной женщиной, кто об этом не мечтает? Знали бы, как я завидую вам, господин полковник!

Потирая лоб и чувствуя – нюх сыщика не мог его подвести, – что за всей этой историей кроется какая-то тайна, Гуров хмуро пробормотал:

– Как вы сговорились с Петром, мне понятно. Но, как тебе удалось уговорить Марию, убей меня бог не пойму!

– На этот вопрос тебе ответит сама Мария, – потупившись, ответил Станислав и добавил: – Если у тебя, конечно, хватит смелости и глупости задать ей подобный вопрос.

– Не хватит, – признался Гуров. Взяв конверт со стола, заглянул внутрь. – Билеты на самолет, путевки... И сколько же я тебе должен?

– По гроб жизни не расквитаешься, – флегматично протянул Крячко, с трудом сдерживая довольную улыбку. – А конкретнее, там имеется листочек, на котором все подсчитано. Ты же у нас голубых кровей! Ну как ты мог не взять деньги у деда Яндиева? Разве не ты провел блестящую операцию, рискуя собственной жизнью?! Обидел ты старика, Лев Иваныч! Больше того, оскорбил! Не его лично, а национальные обычаи. Деньги честно заработаны. И не брать их – чистейшее пижонство! – Крячко, судя по всему, разгорячился всерьез.

Таким Гуров видел друга впервые. Не знал, осуждать или?.. Какая-то правота таилась в его словах. Правда, тогда ранили двух сотрудников Гурова – Григория и Валентина. Да и сам он чудом остался в живых. Но...

Между тем Крячко не унимался:

– Если следовать твоему благородному примеру, мы все должны были отказаться. Извините, господин полковник, я человек простой и деньги взял.

Твой гонорар у меня. Расходы вычтены. И не делай, пожалуйста, из нас подонков и стяжателей. Так что вопрос закрыт и не обсуждается. – Наконец он выдохся. Когда Мария вышла из спальни, Станислав приветствовал ее широкой улыбкой.

– Берите и поехали, – указала на два небольших чемодана и спортивную сумку. – В самолет даже Гуров не может прыгнуть на ходу.

* * *

– Слава богу! – перекрестилась Мария, когда самолет приземлился в Анталии. – До последней секунды боялась, придет какая-нибудь шифротелеграмма, и ты заявишь, что вынужден возвращаться.

– Чтобы вытащить меня из моря на службу, необходим как минимум взвод омовцев, – рассмеялся Гуров, подумав: «А ведь могло быть и такое! Пронесло».

– Уважаемые пассажиры, просьба привести спинки кресел в нормальное положение и не вставать до полной остановки двигателей, – раздался вежливый женский голос.

– И что дальше? – Недавняя растерянность усилилась, едва они очутились на земле. Глаза Гурова разбежались при виде толпы встречающих, держащих высоко над головой различные картонки и плакатики с названиями отелей, фамилий и другими непонятными надписями.

– Ну, где твой резидент? – Мария, похоже, и сама растерялась. Но причина этому была другая. – Почему все улыбаются и смеются? Сегодня праздник?

Гуров остановился у колонны, опустил чемоданы.

– Подожди меня здесь, дорогая. Я уточню диспозицию.

– Это ты постой! – Мария юркнула в толпу и через минуту-другую появилась с усатым и, конечно же, улыбающимся господином, который размахивал картонкой с начертанной на ней фамилией Марии. Рядом с ним порхала

миниатюрная девушка с букетом цветов.

– Здравствуйте, добро пожаловать! – на чистом русском языке произнесла она, недоверчиво и с удивлением глядя на более чем скромный багаж гостей. – Я рада приветствовать вас в Анталии! – Девушка не переставала улыбаться ни на миг. – Но почему-то я решила, если такая знаменитая актриса...

Польщенная Мария одарила ее одной из самых обворожительных своих улыбок.

В этот торжественный момент Гуров прервал монолог расщебетавшейся поклонницы, взял Марию под руку и с таинственным видом произнес по слогам:

– Простите, мы путешествуем ин-ко-гни-то.

– Конечно, конечно, – испуганно осеклась девушка, прикусив язычок, но тут же деловым голосом сказала что-то, видимо, по-турецки, усатому господину. Тот мгновенно подхватил чемоданы, отобрал сумку у Марии и, словно мощный ледокол, врезался в густую толпу, успев переброситься шуткой кое с кем из окружающих.

Кремовый лимузин, неизвестной Гурову марки, принял их прохладой и запахом натуральной кожи.

Мария восприняла такую встречу как должное. Гуров растерянно пробормотал:

– Может, нас приняли за кого-то другого?

Мария, гордо взглянув на него и презрительно фыркнув, не сочла нужным отвечать на столь плебейский вопрос.

– Не беспокойтесь, Лев Иванович, – пришла на помощь примолкшая девушка, встретившая их. – Никакой ошибки. Вас ждут в отеле.

Облегченный выдох Гурова мог означать: «Ну, слава богу!» Именно это он и означал. Напряжение как рукой сняло. С благодарностью взглянув на девушку, он не без удивления обнаружил, что это было грациозное черноглазое существо.

Из ее милой воркотни он узнал ворох деталей и подробностей, кажется, вовсе для него не обязательных. Впрочем, как знать. Узнал, что она – болгарка. Зовут ее Гюльчатай. Почему, и сама не знает. Заканчивает Московский университет. Поэтому прекрасно говорит по-русски. Ну и само собой разумеется, много раз видела Марию на сцене и на экране.

Царственно откинувшись на сиденье, Мария лишь снисходительно улыбалась, наслаждаясь прохладой, и, судя по всему, не собиралась поддерживать столь малозначащий разговор.

Гуров и сам мог быть галантным кавалером, в чем, надо честно сказать, была огромная заслуга Марии, с тщанием обтесывающей и шлифующей целый год, пока жили вместе, милое ее сердцу «полено». И добилась-таки своего: угрюмый бирюк почти превратился в нормального человека, умеющего говорить не только о своей профессии. Правда, и Гуров оказался весьма одаренным учеником.

– Знаете, что после фильма «Белое солнце пустыни» ваше имя в России стало знаменитым?

Гюльчатай взмахнула иссиня-черными ресницами и расцвела еще ярче.

Гуров произнес еще несколько любезных фраз и, выдохшись наконец, замолчал. Зато Гюльчатай теперь было не остановить. Да он и не пытался. Приятно было слышать, что им предстоит сказочный отдых в земном раю и прочее, прочее...

* * *

Дорога вилась между голых скал, на которых кое-где торчали чахлые деревца, лепились одноэтажные постройки нищенского вида.

Мария снисходительно, даже чуть саркастически улыбалась. Он же с содроганием подумал: «Ну и дурят нашего брата! Черт знает в какую дыру нас занесло! Вот как нужно делать рекламу! Ну и прохиндеи!» Куда менее отчетливой была мысль о неминуемой расправе со Станиславом, втравившим их с Марией в поистине дьявольскую авантюру.

Гюльчатой ворковала. Мария улыбалась. Гуров мрачно взирал на серый пейзаж, предаваясь унынию, которое, как известно, не греет душу. «Все-таки Крячко не только хитрец, но и последний гад!»

Лимузин, проскочив какой-то более или менее цивилизованный городишко, снова устремился в ущелье. Правда, асфальт здесь уже стелился бархатной лентой. Это несколько обнадеживало. Из-за утеса вынырнула М-образная арка, в центре разделенная кубической постройкой. Не будь она стеклянной, походила бы на КПП. Водитель ловко заехал внутрь арки, перегороженной массивной цепью, которая тотчас легла под колеса лимузина. Охранники, ладные парни в синей униформе, особого внимания на их приезд не обратили. Лишь один подошел к двери, где сидела Гюльчатой, перебросился с ней парюю фраз, махнул приветственно гостям.

За стеклянной будкой и массивной цепью начинался иной мир. Угрюмые пыльные скалы сменились пальмами, вокруг – ухоженные газоны, цветы, цветы. В этом сказочном парке располагался не менее сказочный отель. Гуров застыл ошеломленный, не веря своим глазам. «Неужели может быть такое чудо? Не сон ли это? Прости, Стас! Никакой ты не гад. Прости, если можешь».

Мария улыбалась. Еще более царственная, она казалась полновластной хозяйкой этого роскошного сада. Во всяком случае, он очень шел к ней.

* * *

Оформление заняло всего несколько минут. В это время откуда-то сбоку подошедший к Гурову портъе быстро и незаметно сунул ему в руку голубой конверт. После обмена любезностями их отвели в апартаменты. Даже не заполнили, кажется, никакой гостевой карточки.

* * *

В номере на инкрустированном красного дерева столике их ждала бутылка вина, в хрустальной вазе горкой лежали фрукты.

Мария оглядела всю эту роскошь со свойственным ей безразличием, швырнула сумочку на необъятное ложе, взяла со стола бутылку, наполнила бокалы.

– С прибытием в рай! Хочу выпить побыстрее, пока ты не достал конверт и не выяснил, что данная резиденция – лишь конспиративная квартира.

– С прибытием в рай! Ты – мой ангел!

Вино искрилось и играло в тончайших бокалах на высоких ножках.

– Ты пробовал что-нибудь подобное? Это амброзия – напиток богов!

– Значит, мы станем бессмертными, дорогая?

– Не сомневаюсь! А ты?

– Я уже бессмертен. Потому что люблю тебя.

Продолжайся разговор в том же духе, неизвестно куда бы это привело.

Первой очнулась Мария.

– Читай свои мемуары-шифровки, а я пойду взгляну на ванную, – с торжествующим видом заявила она.

Вот те на! А он-то думал – ничего не заметила.

Смех смехом, а конверт, лежавший у него в кармане, ему не нравился. Когда Мария ушла в ванную, он достал его, посмотрел на свет, аккуратно надорвал, вынул записку:

«Лев Иванович, ты всегда был умницей. Даже твое еретическое убеждение, что Земля круглая да к тому же вертится, оказалось правдой. Рад видеть, что ты наконец выбрался отдыхать. Надеюсь, твоя помощь не понадобится. Наше знакомство не афишируй.

Удачи и отдыха. Твой...» – далее следовала закорючка.

– Ванна цивилизованная, – одобрила Мария и приступила к разборке багажа.

Гуров протянул ей письмо.

– Фраза «надеюсь... и далее» доказывает, – задумчиво, растягивая слова, произнесла Мария, – что писавший либо шутит, извини, очень неуклюже, либо, что скорее всего, положение у него незавидное. Короче, аховое. Ты догадываешься, кто автор?

– В принципе это может быть только Юрка Еланчук, – наморщил лоб Гуров. – Лет пять он служил в нашей разведке. Когда я видел его в последний раз, он уже работал в Интерполе, жил за кордоном. Кажется, в Швейцарии. Что еще? Говорит на нескольких языках. Рафинированный интеллигент.

Мария хмыкнула, но перебивать не стала. Разве переубедишь того, кто считает интеллигентом любого человека, освоившего другой язык, кроме родного. Хотя... Ладно, пусть продолжает, что Гуров и сделал.

– Зачем он обращается ко мне, понятия не имею. Это совсем не в его стиле. Еланчук – человек деликатнейший! – Мария снова хмыкнула. Но Гуров не отреагировал: – Он же прекрасно видит, что я с дамой и явно на отдыхе.

«Дама» Марии определенно польстила. Гуров, похоже, делал успехи. Но... быть только «дамой»! И где? Среди королевской роскоши? «Не дамой, а царицей! И скоро, очень скоро я докажу это всем. Ему, Гурову, – первому, – Мария расхохоталась про себя. – Игра так игра!»

Пока же приходилось изъясняться как обычной российской обывательнице, хотя и в некотором роде «даме».

– Он к тебе и не обращается, – возразила Мария. – Так, шутливая весточка. Но все же удивительно, ведь подобную встречу не запланируешь.

– Не запланируешь, – усмехнулся Гуров, безотчетно удивившись женской пронцательности, говоря иначе, интуиции Марии. «Верно, не запланируешь». –

Можно, я первым приму душ, пока ты разбираешь свои туалеты?

Не вещи или, еще чище, тряпки, а туалеты! Гуров, несомненно, менялся на глазах.

Мария сияла от радости.

– Конечно, ваше величество! – милостиво разрешила она. И не преминула пустить вслед колкость: – Эгоист!

Гуров стал под душ, задернул штору. Если Юрий пишет записку – факт уже тревожный. Хуже, паршивый. Никогда опытный оперативник не станет без крайней надобности беспокоить коллегу на отдыхе. Слова «надеюсь, не понадобится» – для первоклассников. Если надеешься, то и не пишешь. А коли пишешь, значит, дела у тебя хреновые. Что могло привести сотрудника Интерпола в элитный турецкий отель? Наверняка через Турцию идут наркотики, но ведь не через этот пятизвездочный отель, где, конечно, уйма людей, но каждый из них на виду! Нечего гадать, инициатива у разработчика. Я должен молчать, ждать и не делать лишних движений.

* * *

«Шведский стол», ломившийся от изысканных яств и напитков, перечислить какие едва ли возьмется окончивший соответствующий техникум кулинар, мог поразить и не таких гурманов, как Гуров. Но поражало отсутствие пьяных и даже пьяненьких, хотя возможностей здесь – на каждом шагу. Может быть, выражение безотчетного удивления, которое можно было прочесть на лицах отдыхающих, означало одно – они не узнавали сами себя.

Устроившись поудобней в шезлонгах, Гуров и Мария предавались отдыху: он созерцал окружающий их покой, она углубилась в любимого Бунина, с чьим темно-синим томиком не расставалась, кажется, никогда.

«Благодать! Вот так бы и жить всегда», – подумал Гуров.

– Сколько, по-твоему, людей нас, бездельников, обслуживает? – сквозь нахлынувшую дремоту Гуров услышал вдруг голос Марии. Какой же ерундой она

интересуется! И ответил первое пришедшее в голову:

– Семь или восемь, – имея в виду мальчишек в фирменных голубых костюмчиках, шнырявших среди лежаков и шезлонгов и разносящих кофе и колу.

– Врешь, изображаешь всезнайку!

– Возможно, и вру, – согласился Гуров лениво.

Марию буквально бесило его мгновенное признание во вранье, которое и доказывало, что человек говорит исключительно правду, а спорить, тем более доказывать, не собирается. Такая манера вести разговор ставила Гурова выше спорящих, демонстрировала безразличие к их суждению о предмете дискуссии, заодно и к ней. Он как бы заявил: «Дети, думайте что угодно, я знаю правду, этого мне достаточно». Из-за подобной ерунды между Марией и Гуровым и происходили стычки, которые временами перерастали в ссоры.

Дремоту как рукой сняло. Гуров глядел на обидевшуюся Марию с детским изумлением, потом рухнул перед ней на колени, подняв руки к небу:

– Помилуй, государыня царица! Больше не буду перечить, ни единым словом, честное пионерское!

Соседи, кто понимал, смеялись; кто же не понимал, улыбались тоже: взрослым ведь тоже надо порой подурачиться! А где как не на отдыхе?

– Ладно, прощаю! – смилостивилась Мария, потрепала Гурова по волосам.

Мир был восстановлен. Так-то оно лучше!

* * *

– Добрый вечер, господа соотечественники! Не помешаю? – К их столику подошел незнакомый Марии человек среднего возраста.

– Здравствуйте. Не помешаете. – Улыбочка у Марии вышла не то чтобы гостеприимная.

– Привет! – улыбнулся Гуров, изобразив на лице самое что ни на есть радушие.

– Еланчук Юрий Петрович, – представился подошедший.

Тут и Марии объяснять ничего не надо.

– Привет, Юрочка! – повторил Гуров, предлагая сходить за водочкой. Встреча все-таки! У него же было.

– Спасибо вам, Лев Иванович, я уже и сам большой. – Еланчук поднялся, ушел стремительно.

– Вид у него уж очень несерьезный, – поглядела Мария на Гурова.

– Моя внешность и мне порой мешает работать, – вздохнул тот в ответ, думая между тем, что события развиваются куда стремительней, чем можно было предположить.

Еланчук вернулся с огромной тарелкой снеди и запотевшим бокалом пива.

Гуров представил Марию по имени.

– Лишь у стареющих актрис известно отчество, но у многих до конца жизни остается лишь имя, – польстил Еланчук Марии. – Я видел вас в фильме «Двое на качелях». Здорово!

– Обычно говорят: «Вы были великолепны!» – улыбнулась Мария. – А «здорово» – это когда на стадионе мяч или шайбу забивают!

– Извините, ради бога! – Смущенный Еланчук склонил повинную голову. – Вы были очаровательны! – исправился он, подумав однако: «Ну и язвочка!»

Гуров, осторожно поглядывая на Марию, далеко не был уверен, что инцидент исчерпан; чувствовал по блуждающей на ее губах усмешечке, что она еще кое-что выкинет. «Бедный Еланчук!»

– Юрий Петрович, – подперев кулачком подбородок, Мария ласково смотрела на него, – вы не обидитесь, если я позволю себе дать вам совет?

– Что вы, прекрасная Мария?! – воскликнул Еланчук, не подозревая о подвохе. – Я весь внимание.

– Тогда слушайте. Имей я вашу комплекцию, ужинала бы совершенно иначе.

– Как же именно? – не стусевался Еланчук, решивший не надуваться индюком, хотя и не ожидал подобной подначки.

– Бифштекс с кровью, жареная картошка и непременно грамм сто пятьдесят русской водки!

– Вы желаете моей смерти, а я вам ничего плохого не сделал, – отшутился Еланчук, вяло ковыряя свой салат. Аппетит у него все-таки пропал.

Гуров краем глаза заметил, что приятелю не сидится на месте. «Почувствовал какую-то опасность? Наверяд ли. Значит, ему нужно что-то сказать мне с глазу на глаз».

– У нас с Марией выработалась привычка после ужина прогуливаться по набережной, – произнес он специально для Юрия. – Там красивая подсветка, тихо, малоллюдно, можно выпить кофе.

– Возьмите меня с собой, – не заставил себя упрашивать Еланчук.

Ночь благоухала пряно, волнующе. Разбегавшиеся в разные стороны аллеи были освещены гирляндами прятавшихся в низких кустах фонариков; фигуры, бредущие в потаенном сумраке, казались призрачными, возникали и тут же растворялись, словно духи.

Оркестр стал еле слышен, они подошли к морю, которое лениво шлепало невидимыми волнами, шелестя галькой.

– Слова «красота», «покой» звучат в этом мире пошло, – начала Мария и вдруг умолкла. Потом ни с того ни с сего произнесла со вздохом, едва ли желая уязвить своих спутников: – Лишь истинному поэту дано почувствовать и выразить ощущение, которое испытываешь здесь.

– Юрий, мы с тобой должны помалкивать, не разрушать своим косноязычием магию окружающего мира, – приложил палец к губам Гуров. Когда у Марии было такое настроение, лучше не попадаться ей под горячую руку.

Вот и сейчас Марию было не удержать.

– Говорите вы или молчите, достаточно одного вашего присутствия, чтобы опошлить и превратить все вокруг: и пальмы, и фонтаны, и даже далекие, мерцающие в бесконечной высоте звезды, – в дешевые театральные декорации. Вы только на то и способны, чтобы все обратить в прах. В ничто.

– Я, пожалуй, удалюсь, – пробормотал Еланчук, вконец растерявшись. Язвочка, как решил он в первую минуту знакомства, оказалась самой настоящей язвой.

– Зачем? – удивилась Мария, взяв его под руку. – Что изменится, останетесь вы здесь или уйдете? – Она саркастически глядела на обоих мужчин. – Успокойтесь! Вы просто необходимы, мальчики, ибо никто лучше вас не смог бы доказать, сколь многогранна и непредсказуема человеческая жизнь в бесчисленных ее проявлениях.

Знай Еланчук, как поведет себя с ним спутница Гурова, обратился бы к нему за помощью? Он и сам не мог на это ответить.

Между тем Мария остановилась у столика со стульями. Приказала:

– Принесите кофе, а я пройду по берегу, послушаю море и подумаю о вечном.

Мужчины поднялись в бар, вернулись с кофе, с кока-колой, закурили. «Ну?!» – Гуров с немым вопросом поглядел на коллегу. Наверное, стоило бы извиниться за выходку Марии, которой сегодня с чего-то вздумалось играть роль откровенной стервозы. Но стоило ли? Если умен, поймет сам – это всего лишь масочка. Каприз! У них дела куда поважнее, чем обсуждать женские выкрутасы. Тем более если женщина – актриса. Гуров прекрасно знал, что, если требуется что-то рассказать, самое сложное – начать; затем нужно крепко держать нить интриги, не уходить в сторону, но и не выхолащивать историю, теряя важные детали. Как раз мелочь-то и может оказаться ключом к разгадке запутаннейшего сюжета. И еще. Не менее важно точно определить, что данному человеку следует знать, а что для пользы дела опустить.

Еланчук потягивал кока-колу, глядя в темноту, откуда доносился глухой рокот моря, пытаясь угадать линию горизонта, думал о том, что пользуется случаем и, облегчая жизнь себе, усложняет жизнь коллеги. Будь у него хоть какой-то выход из тупика, он не позволил бы себе беспокоить Льва Иваныча. Но... Ниточка, за которую он было ухватился, проскользнула между пальцев; и вся хитро и тщательно спланированная операция – на нее он возлагал самые большие надежды – грозила лопнуть как мыльный пузырь. Было отчего впасть в отчаяние. А может быть, это судьба, что он встретил Гурова в самый трудный момент жизни, когда он, и только он, мог помочь распутать задачу со многими неизвестными.

Гуров зажег новую сигарету, не торопил приятеля. Но не молчать же бесконечно! Начал первый. По старшинству.

– Не знаешь, Юрий Петрович, с чего начинать, рассказывай с конца.

Еланчук облегченно вздохнул.

– В общем, история такая: с полгода назад нам удалось резко перекрыть приток наркотиков с Востока на Запад. Само собой, наркодельцы принялись искать источник утечки информации. Кто же поверит, что мы сработали почти без агентуры? Не поверили и они. Начались кровавые разборки. Но мы прочно перехватили один из каналов. Такое случается редко, расценивается как большой успех.

– А они придумали нечто новое, и приток восстановился, так? – усмехнулся Гуров, любящий иногда подначить коллегу, поддразнить. На этот раз не вышло.

– Похоже, – уныло кивнул Еланчук. – Ты знаешь, сколько веков существует наркобизнес? И я не знаю. Известно лишь, что промысел сей наидревнейший. Возможно, берет начало с самого сотворения мира.

– Возможно, – кивнул Гуров, вспомнив, что недавно читал о зомби, о том, каким образом в некоторых африканских племенах людей делают живыми мумиями, а также о том, что из зомби состояла наводящая в недавнем прошлом ужас гвардия диктатора Дювалье – «тонтон-макуты». Ну и так далее. Короче, только беспечностью и невежеством можно объяснить, что человечество не желает понять, что уже подошло к краю антропологической катастрофы, а это страшнее ядерной, ибо антропологическая означает, что человек не состоялся, – вот о чем думал Гуров, вполуха слушая Еланчука, который излагал в принципе общеизвестные вещи; Гуров принял к сведению лишь одну, далеко не оригинальную, но хотя бы небесполезную.

– Мы трезво оцениваем ситуацию, понимаем, что окончательно победить не можем, слишком большие деньги задействованы в деле, – с пафосом вещал Еланчук, повторяя чужие слова. – Однако можно приглушить транспортировку наиболее опасных видов...

– ...и самых дорогих. А также наркотиков наименьшего объема, – продолжил Гуров. Замолчал. Важнее, чтобы сейчас говорил Еланчук: мало ли какая, на первый взгляд малозначительная, деталь выплывет наружу, о чем в другой раз и не вспомнишь. А в ней-то и вся соль!

– Мы почти перекрыли опий, галлюциногенные вещества, сосредоточились на самых сильных дефицитных товарах. И вроде добились некоторого успеха, как неожиданно все началось снова: волна «белой смерти» захлестнула и Россию, и Европу...

«Газетная публицистика», – мысленно отмахнулся Гуров.

– Единственное, что мы сумели установить, – наркодельцы организовали неизвестный нам новый канал транспортировки...

«Повторяемся, Юрий Петрович», – начал раздражаться про себя Гуров, но перебивать не стал.

– Я высказал некоторые соображения, но...

«Стоп! Это уже теплее».

– Но руководство тебя не поддержало, так? – вскинулся Гуров, до сих пор, казалось, равнодушно слушавший горячую, но в принципе малоинтересную исповедь Еланчука. – Почему не поддержало?

Тот с немим укором посмотрел на коллегу. «Неужели сам, Лев Иваныч, не догадываешься?»

Вслух произнес:

– Реализация моей идеи может повредить мощному международному бизнесу.

– Так что это за идея? – мертвой хваткой вцепился в него Гуров, дождавшийся наконец, когда коллега дойдет до сути дела.

Еланчук тоже, судя по всему, приободрился.

– Возможно, я повторяю, возможно, транспортировку особо ценного наркотика начали производить через отдыхающих в суперотелях и клубах, чего раньше никогда не замечалось. За исключением мизерных порций. И то опий брали в основном для личного пользования. О серьезных партиях речи не шло.

– В чем преимущество такого канала и каковы у тебя факты?

– С фактами, как всегда, плохо. Один крупный бизнесмен давно подозревался нами в увлечении опиумом. Мы приглядывали за ним, полагая однако, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не торговало. Вообще-то нас очень интересовало, откуда он достает ценный злак. Но так как этот любитель острых ощущений никого, кроме себя, не травил, а шум вокруг его имени был крайне нежелателен, мы закрыли глаза. Решил человек свести счеты с жизнью, так он достаточно богат, чтобы сделать это желаемым способом.

Еланчук между тем излагал без передыху.

– ...Бизнесмен не заставил себя долго ждать, вскоре сыграл в ящик. Естественно, наследники воспротивились вскрытию. Почил и почил. Все люди смертны. По какой причине, никого не касается. Нам все-таки удалось добиться разрешения на осмотр дома покойного, где обнаружился, представь себе, килограмм опия совершенной обработки. Знаешь, сколько это стоит?

Гуров кивнул молча, как бы говоря: «Ну и что? Плевать я хотел на это. Короче!»

Дело Еланчук все-таки знал. Как раз к нему-то и подошел, а что инфантилен излишне – характер такой.

– Слушай дальше, Лев Иванович. Погляди, что нашли в спальне усопшего, – Еланчук вынул из кармана и поставил на стол пластиковую пепельницу. Точно такую, что была на столе и куда Гуров стряхивал пепел. – Ну? Знаю, что ты скажешь: мол, туристы постоянно таскают из отелей сувениры на память. Но дело в том, что покойный никогда не бывал в данном отеле и вообще не отдыхал в Турции. А подобный подарок богатому человеку, извини, пожалуйста, никто преподнести не мог.

– Да-с, – протянул Гуров. – Я встречал доказательства и более хлипкие. Хотя... А что? – как бы повеселел он и кивнул в знак того, что готов слушать дальше.

– С Востока на Запад много путей. Все они исхожены, даже истоптаны. Таможни хорошо контролируются. А опий не тот товар, который понесешь на себе. Да и тут неувязочка получается: человеку, который согласится нести на себе миллион, миллион не доверят. А кому доверят, тот не станет рисковать, пробираясь горными тропами. Как бы ты, Лев Иванович, поступил? – неожиданно спросил Еланчук. Сам же ответил: – Купил бы путевку в люкс-отель. Живи припеваючи неделю. Лучше две. Еще лучше, если с красивой девушкой. Какой досмотр на отдыхе? Тебя досматривали? Убежден, через таможню твой багаж тащил носильщик.

– Шофер, – кивнул Гуров.

– И встречали с цветами?

– Точно.

– Мне тебе и сказать нечего. Российский турист с путевкой может и слона провезти в рай.

«Несомненно, тут есть некое здоровое зерно», – подумал Гуров, не спеша, однако, принять эту версию как единственно возможную.

– Может быть и так: никто не думает, что русские везут наркотики в Анталию из Москвы, – возразил Гуров. – А наоборот? Кто станет устраивать шмон при вылете? Турция заинтересована в туристах. Правда, – усмехнулся он, – можно мимо багажа провести тренированных собачек.

– Лев Иваныч, – словно огорчился Еланчук, – ты, оказывается, отстал от жизни. Сейчас наркотик упаковывают так, что никакая собака не учует!

– Учи-учи старика, – проворчал Гуров, подчеркивая не возраст, они были почти ровесники, а нечто другое.

Еланчук засмеялся. То ли довольный собой – поддел-таки знаменитого сыскаря, то ли тем, что хотел еще сказать.

– Ну и прохиндеи, Лев Иваныч! Задумано простенько и со вкусом: приезжает человек получить кайф, на море привозит товар, другой человек забирает его из тайника и, отдохнув и позагорав, возвращается с ним в родные пенаты. Недурно, а? Среди тысяч отдыхающих обнаружить курьера невозможно. Непрерывный золотой поток никто тронуть и пальцем не позволит. Ты же видел, все работает на туриста.

– Согласен. Но не верю в тайники. Они остались в легендах о похождениях капитана Флинта. – Гуров, не отрываясь, следил за прогуливающейся Марией. Некая напряженность появилась в ее фигуре. – Товар передается из рук в руки. В такой обстановке это плевое дело.

– Русские или немцы? – спросил Еланчук.

– Может, тебе подарить выигрышный лотерейный билет?

Перед тем как Мария походкой морской сирены подошла к их столику, они уже закончили свой разговор, договорились и о легенде для соседей: знакомы, виделись в Москве. Гуров – коммерсант. Еланчук – юрист крупной торговой фирмы. Дел друг друга не знают.

– Приветствуем тебя, темнокудрая дочь Посейдона! – торжественным голосом произнес Гуров, воздев руки к небу. Откуда пришла к нему эта фраза? Вспомнилась же как-то вдруг, невзначай. Но был в том и некий особый знак. Предзнаменование! Слушая Еланчука, он, между прочим, мучительно извлекал из памяти или, вернее, подсознания имя бога моря. И надо же, извлек-таки!

Еланчук не узнал прекрасную женщину, которая еще совсем недавно казалась ему эксцентричной, взбалмошной стервой.

Впрочем, едва она присела на краешек придвинутого Гуровым стула, беседа затеялась самая прозаическая, хотя и неожиданная.

– Если за вами следят, это хорошо или плохо? – невинным голосом спросила Мария.

– А вы, Мария, не ошиблись? – взволнованно проговорил Еланчук.

– Это вряд ли, – невольно передразнила Гурова Мария и сразу стала серьезной. От прежней насмешливости не осталось и следа. – Сейчас он стоит на волнорезе. Среднего роста, худощавый. Ходит обычно в шортах. Сейчас в брюках. Днем загорает невдалеке от нас, читает Ремарка, ухаживает за одной немочкой. Могу и еще кое-что рассказать о нем! – загадочно усмехнулась Мария, но томить не стала. – Пьет пиво, играет в карты, у него здесь любовница с ребенком и мужем... Хватит?

– Тогда он за нами не следил, – облегченно вздохнул Еланчук.

– Как скажете, – Мария взяла сигарету, подождала, пока Гуров щелкнет зажигалкой.

Подбежал мальчик в униформе, забрал пустые чашки, сменил пепельницу.

- Не пора ли отдыхать? - предложил Еланчук.

- Юрий Петрович, вы сегодня завербовали ценного агента, - с усмешкой протянула Мария. - В знак благодарности могли бы предоставить даме возможность спокойно выкурить сигарету. Я уж не говорю о том, что с удовольствием выпила бы водочки с тоником.

Гуров мгновенно поднялся.

- А тебе?

- Сиди, я принесу, - Еланчук тоже встал.

- Схватка джентльменов за дармовую выпивку, - прокомментировала Мария, явно забавляясь.

Когда Еланчук вернулся, Мария тем же невинным голосом, что и в первый раз, сообщила:

- Внимание! Появился второй шпион. - Перешла на шепот: - Он пошел следом за немцем. - Роль сыщика ей явно нравилась.

- Простите, Мария, почему вы решили, что кто-то за кем-то следит? Возможно, люди просто гуляют.

- Интуиция! Если хотите, ясновидение, - пожала она плечами, но в ее голосе прозвучала уверенность.

- Для наблюдения нет смысла, - повернулся Еланчук к Гурову. - Ты понимаешь меня.

Гуров понимал: засечь момент передачи посылки практически невозможно.

- В любом случае никто не станет выбирать местом встречи волнорез да еще поздним вечером, когда за милую душу можно провести операцию при свете дня.

– Приземленные вы мужики, – тяжело вздохнула Мария. – Никакой романтики!

Гуров давно уяснил, спорить с женщиной – занятие бессмысленное и глупое. Возражать не стал:

– Умничка, Машенька, мужики начисто лишены романтики. Но теперь она у нас появится. Раз мы засветились на этом месте, придется ежевечерне пить кофе здесь.

– Пока в кустах над нашей головой не поставят «жучок», – добавил Еланчук.

– Подслушивать можно без допотопных «жучков», просто направленным лучом, – как бы между прочим, однако не без чувства превосходства в голосе, произнесла новоявленная разведчица.

Гуров удивленно вскинул брови, насмешливо хмыкнул:

– Все всё знают. Пожинаем плоды демократии!

Со стороны волнореза послышался громкий всплеск. Мария хотела закричать, но Еланчук, сидевший спиной к морю, вовремя закрыл ей рот ладонью, прошипел:

– Сидите спокойно! Вы ничего не видели и не знаете. – Но спустя минуту не выдержал: – И что же там интересного произошло?

Гуров рассматривал огонек сигареты, дожидаясь, когда наступит его очередь удовлетворить профессиональное любопытство коллеги:

– Кажется, там произошла дружеская потасовка, в результате чего кому-то пришлось искупаться в ночном море. – Лицо его оставалось бесстрастно.

Не больше эмоций выразил и Еланчук.

– Бессердечные вы людишки! – возмутилась Мария, стукнув кулачком по столу. – Вместо того чтобы ловить бандита, сидите и еще посмеиваетесь!

– Ты же умница, – Гуров мягко накрыл ладонью руку Марии, – разве респектабельные туристы гонятся за неизвестными? А во-вторых, не волнуйся, сейчас твой пловец уже, наверное, выбирается на берег. Не будь я Гуров.

Глава 2

Ребром ладошки Мария провела по туго накрахмаленной свежайшей простыне «границу», дремотно зевнула:

– Нарушить границу может только злейший враг!

– Спокойной ночи, любимая! Постарайся думать о море, представь его необъятность и мощь. – Гуров лег на спину, заставил себя расслабиться, закрыл глаза.

Мария чмокнула его в щеку, свернулась калачиком. «Удастся ли уснуть после такой нервотрепки?..» Едва подумав так, она уже забылась, сознание сладко затуманилось. Наверное, ей снилось море. Но она не знала и не понимала этого. Или, может, она снилась морю?

«Спокойной ночи, любимая!»

...Проснулась Мария от громкого шума воды, тут же и прекратившегося.

«Гуров...» – сладко заныло сердце. Глаза ее были закрыты, но сквозь едва заметное подрагивание шелковистых ресниц она тотчас увидела его, выходящего из ванной с мокрыми, гладко зачесанными волосами, улыбающегося и, чего больше всего хотелось ей в эту минуту, счастливого.

Дольше притворяться спящей не было сил. Она открыла глаза.

Гуров присел на постель.

– Доброе утро, сударыня! Как почивать изволили? Никого во сне не поймали?

– Бог с тобой, спала как убитая...

Гуров быстро поднялся, взял со столика изящный подносик, на котором дымилась чашечка кофе, лежал очищенный апельсин.

– Ты всем своим женщинам подаешь кофе в постель?

– Обязательно! Утренний кофе снимает с женского язычка частичку яда. Пей, слушай, старайся не перебивать.

– Слушаю и повинуюсь! – Пригубив кофе, Мария приготовилась слушать со вниманием.

– На кой черт нам нужен этот Еланчук? У него – своя команда, у нас – своя. – Гуров явно завелся. – Ты в подобные игры не играешь. Мне они надоели до чертиков. Скажем ему: ныряй, Юрий Петрович, здесь неглубоко, а мы в законном отпуске, к тому же за границей, нам неинтересно. Согласна?

Первым побуждением было кинуться Гурову на шею, расцеловать: «Умница! Конечно, согласна!» Ведь это было и ее желание. Но что-то мешало. Что?

– Согласна? – настойчиво повторил Гуров.

Вместо ответа или хотя бы кивка Мария змейкой выскользнула из постели. И...

«О боже!» – Гурова пронзила острая дрожь. Он едва сдержал возглас восхищения. Обнаженная до самых лодыжек, стройных, будто точеных, гибкая в каждом движении, она ступала плавно, с той естественной изящной грацией, какая дается только природою, невольно причиняя Гурову сладкую боль. Пена белоснежной простыни клубилась у ног ее. И Гурова осенило: богиня, рожденная из пены морской. Он не вспомнил имя той богини, смотрел зачарованно: «Машенька!»

Мария разрушила очарование, произнесла совсем буднично:

– Быстренько приму душ и поправлю лицо, – упорхнула в ванную.

Обоим нужна была пауза: Гурову стряхнуть наваждение, налетевшее на него столь нежданно-негаданно, Марии же, чувствующей себя виноватой перед Еланчуком (и с чего она вдруг набросилась на человека невесть почему?), укрепиться в бесповоротности своего решения или... Вот «или» и было главной проблемой. Ясно ведь, отчаянная мелодекламация Гурова не от чистого сердца. Просто он хочет угодить ей, а у самого на душе кошки скребут от того, что бросает товарища в беде. Может ли она принять такую жертву? «А почему, извините, мы должны жертвовать своим отдыхом?!» Она хотела жалобно всхлипнуть, но вместо этого упрямо стиснула губы. Из ванной вышла улыбающаяся и благоухающая.

– Маша, я не знаю, с чего начать. – Гуров схватился за сигареты, как за якорь спасения.

– Мы же договорились до завтрака не курить, – ласковым голосом напомнила Мария и устроилась в кресле, подобрав под себя ноги. – Если не знаешь, с чего начать, разреши, начну я. Пей кофе, слушай, старайся не перебивать, – повторила она его слова.

– Слушаю и повинуюсь! – подхватил Гуров.

– Да, Юрий – отличный парень, но пошел бы он со своими заботами куда подальше! Вещи, которые кажутся романтическими и загадочными при луне, днем оказываются обычной мерзопакостью. Наркобизнес – не игра в бирюльки. Нормальный человек должен находиться от него подальше. Розыскная, как и актерская, работа совершенно непредсказуема. Ее нельзя бросить когда захочется. Слишком много людей помимо твоей воли оказываются впутанными в историю, где лично от тебя порой мало что зависит. Потому самое естественное сейчас отправиться завтракать, затем плавать и загорать, пить вино и веселиться. Ну, и как я? На уровне? – Мария смотрела вызывающе.

– Ты все сказала лучше меня, – кисло улыбнулся Гуров. – Идем завтракать.

* * *

Явившись на свет, мальчик пронзительным воплем огласил если не весь мир, то, во всяком случае, палату роддома, тем самым заявив о своем приходе. В том не было ничего необычного. Посему и распространяться на эту тему излишне. Тем более ничто не предвещало, что в эту минуту родился человек выдающихся или хотя бы незаурядных дарований, коему, как обнаружится впоследствии, судьба предназначила стать почти что гением криминального мира. Короче говоря, родился и родился. Мальчика назвали Виктором, родители и друзья звали Витун. Рос здоровеньким, заурядным пацаном, роста был средненького, так же и учился – в общем, все в нем соответствовало стандарту. Лишь в пятом классе в нем проявилась особенность – нездоровая тяга к деньгам. Почему нездоровая? По нынешним меркам так вполне и нормальная. Даже сказать, весьма дальновидная, хотя в свое время и считавшаяся предосудительной. Ну, это, как нынче ясно младенцу, чистейшее лицемерие и несусветная чепуха. Он экономил на завтраках, ходил в кино без билета, «напротырку», либо за чужой счет, не ел мороженое – пустая трата денег. Копил. Даже когда мать решала купить ему новые штаны или ботинки, Витун говорил, что купит сам, и ходил в стареньком. Да и что зря выпендриваться? В конце концов, каждый живет как хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/leonov_nikolay/d-yavol-v-rayu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)